

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 94 (410).07

ПОЛИТЭКОНОМИЯ «ХАЙЛЕНДСКОЙ ПРОБЛЕМЫ» В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ (1715–1745 гг.)

С. Г. Малкин

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, г. Самара
E-mail: malkins@samtel.ru

В статье анализируются представления о феодальной основе политэкономии в Горной Шотландии в публичном пространстве Великобритании между мятежами якобитов в 1715–1716 и 1745–1746 гг. в контексте решения «Хайлендской проблемы» через умиротворение, модернизацию края и укрепление лояльности горцев к Ганноверской династии и правительству в Лондоне.

Ключевые слова: Великобритания, Горная Шотландия, «Хайлендская проблема», феодализм, интеллектуальная колонизация, модернизация.

Feudalism and the «Highland Problem» in the Public Sphere of Great Britain (1715–1745)

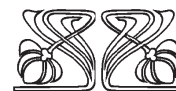
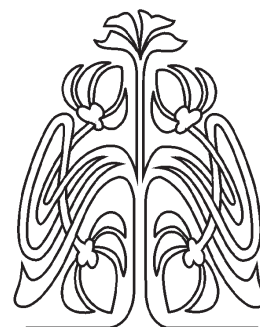
S. G. Malkin

The article analyses representations on the feudal base of political economy in the Highlands of Scotland in the public sphere of Great Britain between the Jacobite rebellions in 1715–1716 and 1745–1746 in the context of solution of the «Highland Problem» through the appeasement, modernization of the region and strengthening loyalty of the Highlanders to the Hannover dynasty and the government in London.

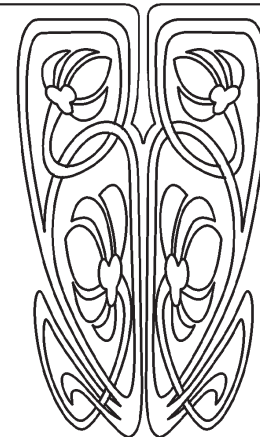
Key words: Great Britain, Highlands of Scotland, «Highland Problem», feudalism, intellectual colonization, modernization.

Феодализм как насущная социально-экономическая и политическая проблема, требующая своевременного осмысления и разрешения, представляет собой на удивление устойчивую и характерную примету Нового времени. В век глобальных империй многочисленные случаи колонизации неизбежно ставили перед имперскими службами вопрос о социально-экономической и политической природе колонизируемых обществ. В контексте такой интеллектуальной традиции усилия британских комментаторов по изучению природы и характера феодально-клановых отношений в Горной Шотландии в первой половине XVIII в. представляются необходимой интеллектуальной практикой эпохи. Аналитики модерна активно формулировали модернизационную альтернативу развития Горного Края¹. Как и их контрагенты в Европе в эпоху Просвещения и глобальных империй, они занимались поиском общей модели человеческого развития, решая частные задачи колониальной/имперской политики².

Особый интерес в данном случае вызывают не только побудительные мотивы интеллектуальной колонизации Горной Страны. Не менее важно, как (и почему именно так) этот «последний» оплот феодализма на Британских островах воспринимали в остальном Соединенном Королевстве в первой половине XVIII в. Анализ академической практики как практики имперской, а риторических приемов как инструментов интеллектуальной колонизации позволяет приблизиться к пониманию многих аспектов британского общества и государства в этот период³.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Цель предлагаемых штудий, соответственно, заключается не в том, чтобы преуменьшить значение «присваивающей» перспективы в представлениях британских комментаторов о Хайленде как «используемом» Соединенным Королевством «Другом» и масштаб негативной «хайлендизации» Горной Страны в первой половине XVIII в.⁴ Представляется необходимым, скорее, исследовать вопрос о том, являлось ли изучение феодализма в Горной Шотландии исключительно функцией имперских практик Лондона в этот период или оно само по себе стимулировало их выработку и обеспечивало им теоретическое обоснование. Не менее важно ответить на вопрос о том, какова интеллектуальная традиция презентаций и репрезентаций феодально-клановых отношений в Хайленде, чтобы более независимо от романтической, национальной шотландской и имперской британской историографической традиций изучать этот вопрос и его ангажированную интерпретацию в сочинениях современников данной эпохи, более предметно и близко к источникам анализируя отношения между Великобританией и ее шотландской гэльской окраиной.

Славная революция 1688 г. ускорила политическое единение «британского архипелага». Однако революционному устройению и протестантскому престолонаследию предстояло прежде закрепиться в Горной Шотландии. Изгнанный король Англии и Шотландии Яков II (VII) Стюарт призвал кланы Хайленда выступить за «законную династию»⁵. Обращение бывшего суверена к вождям и магнатам Горного Края за вооруженной поддержкой отчетливо обозначает не только границы реальной власти Лондона и Эдинбурга в Шотландии в конце XVII – первой половине XVIII в., но и пределы социально-экономических и политических традиций и практик Хайленда.

При этом и до, и после заключения в 1707 г. между Англией и Шотландией унии представление о горцах Шотландии, как всегда, готовых выступить многочисленной и обученной армией, позволяло вождям и магнатам претендовать на особое место в политической системе королевства, правительству в Лондоне исчерпывающим образом объяснять свою пассивность в весьма дорогостоящем, длительном и рискованном для политических карьер деле «умиротворения» и «цивилизации» Горной Страны, а королевским министрам в Париже и Мадриде – строить амбициозные планы вторжения на Британские острова и оправдывать свои внешнеполитические усилия, направленные против Британской империи. Поскольку основными комментаторами реалий Горного Края выступали представители местных сообществ, неудивительно, что с точки зрения понимания ее содержания Лондон при Вильгельме Оранском и Анне Стюарт едва ли продвинулся за «хайлендский» рубеж. Подлинная интеллекту-

альная колонизация Хайленда началась уже при Ганноверах.

Первым и единственным в своем роде в публичном пространстве Великобритании до 1745 г. в ряду работ, направлявших этот процесс, стало пространное «Письмо к английскому члену парламента от джентльмена в Шотландии...», опубликованное в 1721 г.⁶ К этому времени в Северной Британии уже пять лет действовали комиссары правительства по конфискациям имений и иного имущества мятежников, выступивших против короны на стороне якобитов в 1715–1716 гг.⁷ Так что когда преподобный Джон Уилсон, автор памфлета, уже на титульном листе обозначил незамысловатым типографским набором содержание феодального права и клановых отношений в Горной Стране, а также их связь с мятежом, такая визуализация текста была призвана расставить нужные акценты не только для верного понимания любопытствующими читателями авторской мысли, но и для ее грамотной интерпретации вовлеченными лицами в рамках актуальной шотландской политики. Из первой же страницы, недвусмысленно ранжировавшей значение положений основного текста различными печатными шрифтами, становилось известно, что «Письмо...» «касается различных форм рабской зависимости, в которых удерживается значительная часть [шотландского] народа, как посредством магнатств, военных держаний, права опеки и других остатков феодального права, так и при помощи клановости», на ней также содержатся «замечательные предложения по реформированию Хайленда и предотвращению в будущем мятежа»⁸. Новая стратегия репрезентации феодально-клановых отношений в Горной Шотландии предполагала интеллектуальную атаку на мнение заинтересованных сторон по двум основным направлениям: историческим изысканиям и юридическому анализу. Первые, обозначая угрозу и наполняя ее конкретным фактическим содержанием, представляли собой обращение к событиям политической истории; второй, предлагая способы ее устранения, опирался на аргументы из области права.

Сохранение и закрепление магнатств (пассивной хайлендской политикой Лондона и актом об Унии), по мнению преподобного, закладывало основы для содержания значительной постоянной армии в Соединенном Королевстве даже в мирное время: «Хорошо известно, сколь многочисленны наши магнаты и вожди кланов, и каким огромным числом приверженцев они располагают...»⁹. «Хайлендская проблема» была, таким образом, конвертирована в проблему содержания значительной постоянной армии в Великобритании в мирное время, позволив автору аккумулировать весь идеологический и риторический арсенал инвектив, направленных против этого одного из важнейших современных институтов Европы эпохи Нового времени в рамках английской, а затем и британской традиции,

а также выражать опасения, со времен Протектората Оливера Кромвеля связанные с угрозой «узурпации власти» правителем с опорой на «красные мундиры»¹⁰. При этом, принимая во внимание веяния времени, проводилась четкая грань между постоянной армией под началом паписта и постоянной армией, подчиняющейся протестантскому королю и сдерживающей натиск католической Франции (укрепляя Британскую империю дома, в Горной Шотландии, и расширяя ее за рубежом)¹¹. Определяя эту разницу в контексте феодально-клановых отношений в крае, автор отмечал, что первая существовала за счет «деспотической власти вождей и магнатов», в то время как вторая «набиралась и содержалась для защиты нации, оплачиваемая общественными налогами ... И это единственные регулярные части, которые король и парламент могут использовать для воинской службы»¹².

Юридическая сторона вопроса включала апелляцию к правовой традиции Англии и правовым основаниям Великобритании. Указывалось на необходимость привести британские королевства в общее правовое поле, распространив на Шотландию свободу от феодальной зависимости, как в Англии. Уния становится критерием определения степени интеграции Англии и Шотландии и продвижения к единству британской нации. Джон Уилсон цитирует преамбулу к акту парламента Карла II Стюарта от 1672 г., подтверждавшему ликвидацию рыцарской службы и военных держаний в Англии¹³. Как и в случае с весьма ангажированной и болезненной темой постоянной королевской армии, автор вновь обращается за риторической и идейной поддержкой к одной из чрезвычайно дискуссионных проблем общественно-политической жизни Англии, а затем и Соединенного Королевства – вопросу о «готской конституции» и интерпретации феодализма как явления общеевропейского (нормализуя социально-экономические реалии Горной Страны и задавая ей определенный вектор развития) и вместе с тем исторического, преходящего (в духе антикварных штудий, отражавших «рождение» социального и «открытие» времени). И если в рамках соответствующих изысканий в XVII в. феодальное право как концепт и аналитическая категория бросало вызов «древней английской конституции», то в начале XVIII в. антикварию изобрели то, что Д. В. Л. Эрл назвал «прокрустовым феодализмом», компромиссным вариантом его восприятия, завершившим войну в интерпретации предыдущего века¹⁴. Миф о «готской конституции», позаимствованный у антиквариев и представленный как доказательство неизбежности отмирания феодального права и клановых отношений, тесно связанных с ним практикой военных держаний, также служил интересам реформирования Горного Края.

Более проблематичной оказалась антифеодальная интерпретация акта об унии между

Англией и Шотландией 1707 г. Поскольку прочесть его 20-ю статью, сохранявшую наследственные службу, права и юрисдикцию, как-то иначе не представлялось возможным, преподобный поднял на щит 4-ю статью акта об унии, в соответствии с которой те или иные «права, привилегии и преимущества должны принадлежать подданным обоих королевств»¹⁵. В противном случае феодальное право в Горной Стране оборачивается «*Imperia in Imperio*», не оставляя места для присутствия в Горном Крае королевской власти, правительству и британским законам и институтам¹⁶.

Таким образом, комментаторы хайлендского феодализма в эпоху побеждавшего капитализма пользовались относительной свободой в выборе интеллектуальной позиции, но при этом были обязаны более убедительно и внятно, чем их оппоненты, обосновывать справедливость и истинность своих утверждений, демонстрируя лояльность официальному Лондону. Текст непременно оснащался ссылками на правовые традиции и королевские постановления Шотландии, Англии и Великобритании, подкрепленные латинской терминологией прецедентного права и примерами из британской и европейской истории. Вариации исторических и юридических экскурсов позволяли авторам не только относить истоки феодального права в Хайленде к определенным историческим эпохам, но и выстраивать некую преемственность, выявляя типологическое сходство в развитии этого института по обе стороны англо-шотландской границы, оперируя достаточно обширным комплексом профессиональной юридической и исторической терминологии. Такая трактовка особенностей социально-экономического развития края представляла собой не только исторический и юридический, но и филологический прием одновременно.

Истина, раз и навсегда добытая при помощи правильного методологического инструментария (юридического анализа и правовой оценки с точки зрения весьма влиятельной легалистской традиции) и подтвержденная историческим опытом (на фоне активного развития исторического сознания эпохи Просвещения в Европе и юнионистской исторической традиции в Великобритании), могла быть единственно верной. С одобрения правительства, выраженного принятием соответствующего акта об отмене наследственной юрисдикции и феодальных держаний, такие выводы становились частью системы государственного знания о пространстве интеллектуальной колонизации и политической практики в Хайленде.

Статья подготовлена при поддержке Лондонской школы экономики и политических наук (LSE IDEAS, Paulsen Fellowship Programme, 2010–2015) в рамках проекта «Imperial Identity in Britain and Russia: Scotland and Ukraine, 1707–1914».

Примечания

- 1 См., например: *Апрыщенко В. Ю.* Уния и модернизация : становление шотландской национальной идентичности в XVIII – первой половине XIX в. Ростов н/Д, 2008. С. 191–238.
- 2 Среди классических работ на эту тему: *Said E. W.* Orientalism. N. Y., 1979 ; *Wolff L.* Inventing Eastern Europe : The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment. Stanford, 1994. Среди исследований такой имперской этнографии в рамках Британской империи см., например: *Bickham T.* Savages within the Empire : Representations of American Indians in Eighteenth-Century Britain. Oxford, 2005 ; *Galloway C. G.* White People, Indians and Highlanders. Oxford, 2008.
- 3 Концепция внутренней колонизации давно и безуспешно применяется британскими коллегами в изучении истории Горной Шотландии в рамках Британской империи: *Hechter M.* Internal Colonialism : The Celtic Fringe in British National Development, 1536–1966. L., 1975 ; *Withers C. W. J.* Gaelic Scotland. The Transformation of a Culture Region. L. ; N. Y., 1988 ; *Ellis S. G.* Why the History of «the Celtic Fringe» Remains Unwritten // European Review of History : Revue europeenne d'histoire, 10:2, 2003. P. 221–231. В отечественной британистике такая традиция изучения взаимодействия Лондона и его шотландской галльской окраины еще не сформирована, что по-прежнему ограничивает наши представления о становлении, развитии и функционировании современных европейских империй вообще, и Британской империи в частности. Исключением являются единичные недавние исследования (без прямого употребления понятия «внутренняя колонизация»): *Апрыщенко В. Ю.* Указ. соч. С. 163–173 ; *Малкин С. Г.* «Мятежный край Его Величества» : британское военное присутствие в Горной Шотландии в 1715–1745 гг. СПб., 2011.
- 4 Подробнее о формировании «черной легенды» Хайленда в конце XVII – первой половине XVIII в. см., например, нашу статью: *Малкин С. Г.* Горная Шотландия конца XVII – первой половины XVIII в. и исторические романы Вальтера Скотта // Новая и новейшая история. 2010. № 2. С. 59–71.
- 5 См.: *James R.* [Letter] To Our Right Trusty and Well-Beloved Cosen and Councillor Johne Lord Viscounte of Dandee. Dublin Castle, March 29, 1689 // Letters of John Grahame of Claverhouse, viscount of Dundee, with illustrative documents. Edinburgh, 1826. P. 36.
- 6 См.: A Letter to an English Member of Parliament, from a Gentleman in Scotland, concerning The Slavish Dependancies, which a great Part of that Nation is still kept under, by Superiorities, Wards, Reliefs, and other Remains of the Feudal Law, and by Clanship. Containing Very good Hints for reforming the Highlands, and preventing Rebellion for the future. First printed at Edinburgh in 1721. L., 1746.
- 7 См.: A Selection of Scottish Forfeited Estates Papers 1715; 1745 / ed. by A. H. Millar // Publications of Scottish History Society. Vol. LVII. Edinburgh, 1909.
- 8 A Letter to an English Member of Parliament, from a Gentleman in Scotland... P. 1.
- 9 Ibid. P. 8–9, 13–14.
- 10 Вопрос о численности и размещении регулярной королевской армии постоянно присутствовал в британском политическом дискурсе в XVIII в.: The Argument against a Standing Army, Discuss'd. By a True Lover of his Country. L., 1698 ; Reasons against a Standing Army. L., 1717 ; Some Thoughts on the Land Forces, Kept up in this Kingdom. L., 1739 ; A Proper Answer to the By-Stander. L., 1742 ; Seasonable and Affecting Observations on the Mutiny-Bill, Articles of War and Use and Abuse of a Standing Army. In a Letter from a Member of Parliament to a Noble Lord. L., 1750 ; A Consultation On the Subject of a Standing Army, held at the King's-Arms Tavern, On the Twenty-eighth Day of February 1763. L., 1763 ; Consideration on Militias and Standing Armies. By a Member of Parliament. L., 1782.
- 11 Влияние длительного присутствия регулярной королевской армии в мятежном Хайленде на изменение отношения к проблеме «постоянной армии» в Великобритании впервые отмечено именно в рамках изучения британского регулярного («фискально-военного») государства с приложением к патрулированию армией Горной Шотландии имперской проекции и указанием значения вооруженных сил для политической стабилизации и коммерческого роста современных государств Нового времени: *Houlding G. A.* Fit for Service : The Training of the British Army. 1715–1795. Oxford, 1981. P. 34–36, 63–64, 409–412 ; *Brewer J.* The Sinews of Power. War, money and the English state, 1688–1783. Cambridge, 1989. P. 42–45 ; *Harling P., Mandler P.* From «Fiscal-Military» State to Laissez-Faire State, 1760–1850 // The Journal of British Studies. Vol. 32, № 1 (Jan., 1993). P. 47–52 ; *Black J.* Britain as a Military Power, 1688–1815. L., 1999. P. 20–34, 44 ; *MacKillop A.* «More Fruitful than the Soil» : Army, Empire and the Scottish Highlands, 1715–1815. East Linton, 2000. P. 13–40 ; *Conway S.* War, State and Society in Mid-Eighteenth Century Britain. Oxford, 2006. P. 34–50, 56–82.
- 12 A Letter to an English Member of Parliament, from a Gentleman in Scotland... P. 25–26.
- 13 Ibid. P. 4–5.
- 14 Джеймс Тайррелл первым обратился к «прокрустовой» интерпретации феодализма, хотя наиболее влиятельным оказалось сочинение Поля Рэпина де Тойюра, опубликованное в 1725 г. (характерный интеллектуальный фон для первой серьезной попытки британского правительства минимизировать военнополитические издержки хайлендского феодализма, предпринятой в том же году под началом командующего королевскими войсками в Шотландии генерала Уэйда). Его «История Англии» в переводе Николааса Тиндела была одной из двух наиболее продаваемых работ на английском языке в Великобритании в XVIII в. См.: *Earl D. W. L.* Procrustean Feudalism : An Interpretative Dilemma in English Historical Narration, 1700–1725 // The Historical Journal. Vol. 19. № 1. (Mar., 1976). P. 37–39.
- 15 A Letter to an English Member of Parliament, from a Gentleman in Scotland... P. 6.
- 16 Ibid. P. 28.